

Василий Шибанов

Князь Курбский от царского гнева бежал,
С ним Васька Шибанов, стремянный.
Дороден был князь. Конь измученный пал.
Как быть среди ночи туманной?
Но рабскую верность Шибанов храня,
Своего отдает воеводе коня:
Скачи, князь, до вражьего стану,
Авось я пешой не отстану.
И князь доскакал. Под литовским шатром
Опальный сидит воевода.
Стоят в изумленье литовцы кругом.
Без шапок толпятся у входа.
Всяк русскому витязю честь воздает;
Недаром дивится литовский народ,
И ходят их головы кругом:
Князь Курбский нам сделался другом.
Но князя не радует новая честь.
Исполнен он желчи и злобы;
Готовится Курбский царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы:
Что долго в себе я таю и ношу.
То все я пространно к царю напишу.
Скажу напрямик, без изгиба.
За все его ласки спасибо.
И пишет боярин всю ночь напролет.
Перо его местию дышит,
Прочтет, улыбнется, и снова прочтет,
И снова без отдыха пишет,
И злыми словами язвит он царя,
И вот уж, когда занялася заря.
Поспело ему на отраду
Послание, полное яду.
Но кто ж дерзновенные князя слова
Отвезть Иоанну возьмется?
Кому не любя на плечах голова.
Чье сердце в груди не сожмется?

Невольню сомненья на князя нашли...
Вдруг входит Шибанов в поту и в пыли:
Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали!
И в радости князь посылает раба.
Торопит его в нетерпенье:
Ты телом здоров, и душа не слаба,
А вот и рубли в награждение!
Шибанов в ответ господину: Добро!
Тебе здесь нужнее твое серебро,
А я передам и за муки
Письмо твое в царские руки.
Звон медный несется, гудит над Москвой;
Царь в смирной одежде трезвонит;
Зовет ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит?
Но часто и мерно он в колокол бьет,
И звону внимает московский народ,
И молится, полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.
В ответ властелину гудят терема,
Звонит с ним и Вяземский лютый,
Звонит всей опрични крошечная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тут же, гордясь своею красой,
С девичьей улыбкой, с змеиной душой,
Любимец звонит Иоаннов,
Отверженный ботом Басманов.
Царь кончил; на жезл опираясь, идет,
И с ним всех окольных собранье.
Вдруг едет гонец, раздвигает народ,
Над шапкою держит посланье.
И спрянул с коня он поспешно долой,
К царю Иоанну подходит пешой
И молвит ему, не бледнея:
От Курбского князя Андрея!
И очи царя загорелись вдруг:
Ко мне? От злодея лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мне вслух

Посланье от слова до слова!
Поддай сюда грамоту, дерзкий гонец!
И в ногу Шибанова острый конец
Жезла своего он вонзает,
Налег на костыль и внимает:
Царю, прославляему древле от всех,
Но тонущу в сквернах обильных!
Ответствуй, безумный, каких ради грех
Побил еси добрых и сильных?
Ответствуй, не ими ль, средь тяжкой войны,
Без счета твердыни врагов сражены?
Не их ли ты мужеством славен?
И кто им бысть верностью равен?
Безумный! Иль мнишись бессмертнее нас,
В небытную ересь прельщенный?
Внимай же! Приидет возмездия час,
Писанием нам предреченный,
И аз, иже кровь в непрестанных боях
За тя, аки воду, лиях и лиях,
С тобой пред судьбою предстану!
Так Курбский писал к Иоанну.
Шибанов молчал. Из пронзенной ноги
Кровь алым струилася током,
И царь на спокойное око слуги
Взирал испытующим оком.
Стоял неподвижно опричников ряд;
Был мрачен владыки загадочный взгляд.
Как будто исполнен печали;
И все в ожиданье молчали.
И молвил так Царь: Да, боярин твой прав,
И нет уж мне жизни отрадной,
Кровь добрых и сильных ногами поправ,
Я пес недостойный и смрадный!
Гонец, ты не раб, но товарищ и друг,
И много, знать, верных у Курбского слуг,
Что выдал тебя за бесценок!
Ступай же с Малютой в застенки!
Пытают и мучат гонца палачи.
Друг к другу приходят на смену:

Товарищей Курбского ты уличи.
Открой их собачью измену!
И царь вопрошает: Ну что же гонец?
Назвал ли он вора друзей наконец?
Царь, слово, его все едино:
Он славит своего господина!
День меркнет, приходит ночная пора,
Скрыпят у застенка ворота.
Заплечные входят опять мастера.
Опять зачалася работа.
Ну, что же, назвал ли злодеев гонец?
Царь, близок ему уж приходит конец,
Но слово его все едино.
Он славит своего господина:
О князь, ты, который предать меня мог
За сладостный миг укоризны,
О Князь, я молю, да простит тебе бог
Измену твою пред отчизной!
Услышь меня, боже, в предсмертный мой час,
Язык мой немеет, и взор мой угас.
Но в сердце любовь и прощенье.
Помилуй мои прегрешенья!
Услышь меня, боже, в предсмертный мой час,
Прости моего господина!
Язык мой немеет, и взор мой угас.
Но слово мое все едино:
За грозного, боже, царя я молюсь.
За нашу святую, великую Русь,
И твердо жду смерти желанной!
Так умер Шибанов, стремянный.